

Мария Галина, Аркадий Штыпель

Авторский блог как трансформация эпистолярного жанра

Юрий Тынянов в статье «Литературный факт» (первая публикация в журнале «ЛЕФ» в 1924 году называлась «О литературном факте»), обращаясь к частной литературской переписке 20-х годов XIX века, характеризует ее как новый литературный жанр и формулирует его характерные черты:

Исчезала и изгонялась манерность, изгонялась перифраза, шла эволюция к грубой простоте (у Пушкина не без влияния архаистов, ратовавших за «первобытную простоту» против эстетизма карамзинистов). Это была не безразличная простота документа, извещения, расписки — это была вновь найденная литературная простота. В жанре по-прежнему подчеркивалась его внелитературность, интимность, но она подчеркивалась нарочитой грубостью, интимным сквернословием, грубой эротикой.

Вместе с тем писатели сознают этот жанр глубоко литературным жанром; письма читались, распространялись. <...> Так письмо, оставаясь частным, не литературным, было в то же время и именно поэтому литературным фактом огромного значения. Этот литературный факт выделил канонизованный жанр «литературной переписки», но и в своей чистой форме он оставался литературным фактом.

И не трудно проследить такие эпохи, когда письмо, сыграв свою литературную роль, падает опять в быт, литературы более не задевает, становится фактом быта, документом, распиской. Но в нужных условиях этот бытовой факт опять становится фактом литературным [Тынянов 1977: 266].

В наши дни подобным литературным фактом интимно-публичной переписки можно считать блоги, записи в социальных сетях («Живой журнал», потеснивший его фейсбук, несколько менее важных для нашего предмета сетей). При этом мы рассматриваем именно спонтанные, бескорыстные акты письменного (со)творчества, а не работу топ-блогеров, то есть людей, сделавших ведение блога так или иначе оплачиваемой профессией.

Почти все наши корреспонденты в фейсбуке причастны к литературе — поэты, прозаики, критики, литературоведы, профессионалы и любители, разного возраста и разной степени известности.

Нетрудно заметить, что эти блогговые записи представителей литературного сообщества сохраняют все признаки эпистолярного жанра, выделенные Тыняновым, но со «смещением» (любимое тыняновское слово), с новыми качествами, обусловленными современной технологией передачи сообщений. Так, упомянутая Тыняновым «интимность» сменяется «исповедальностью», когда, казалось бы, сугубо приватные сюжеты выносятся на обсуждение широкого круга читателей, призывая их к такой же интимности и откровенности: «А у вас было так, что...?»¹

1 Мы исключаем тот случай, когда этот прием сознательно и манипулятивно используется для раскрутки блогов (психологический механизм возникающей при этом эмоциональной обратной связи будет упомянут позже).

Признаки эпистолярного жанра сохраняются: частное послание (хотя и никому конкретно, *urbi et orbi*) — частный ответ, притом что послание и ответ изначально открыты для дополнений и обсуждений «своим кругом» респондентов. В литературный процесс в привычном смысле эти явления, казалось бы, не встроены (далее мы покажем обратное) и маркированы как «внелитературные» часто с использованием внелитературной, сниженной, а то и обценной, лексики и с наличием микросюжетов («А вот что сегодня мы приготовили на обед») при отсутствии целостного сюжета, по крайней мере в первоначальном понимании этого термина. Жанр здесь формируется возможностями трансляции: там, где процедура «письмо — ответное письмо» занимала несколько дней, здесь все происходит в режиме реального времени. Таким образом, первоначальное высказывание, порой носящее характер провокативного вброса, обрастает разветвленными комментариями и комментариями к комментариям. Такая оперативная (в отличие от старой почтовой) обратная связь в силу самого способа общения несет эмоциональный (иногда гиперэмоциональный) характер, зачастую лапидарно демонстрируемый посредством стандартных, главным образом поощрительных, значков-эмотиконов — новшество, подобное введению в свое время знаков препинания, в определенных случаях маркирующих отношение автора к тексту. В результате благодаря многочисленным горизонтальным связям образуется «ризома», в которой можно наблюдать все упомянутые Тыняновым признаки.

И как во времена Пушкина, когда вроде бы частные письма сплошь и рядом зачитывались вслух и становились достоянием некоего публичного круга, так и сегодня мы видим в журналах-блогах житейские наблюдения, случайно подслушанные, а возможно и придуманные, диалоги, сценки, путевые впечатления, мемуарные записи, шутки, палиндромы, анаграммы, анекдоты, афоризмы, оповещения, сетования, похвальбу, полемику, склоки... А также глубоко личные излияния, на первый взгляд никак не предназначенные для широкой публики. Ко всем такого рода «посланиям в бутылке» любой читатель (по крайней мере, любой из круга так называемых френдов, то есть взаимных корреспондентов, друзей по переписке) может оставить свой комментарий, на который могут, как уже сказано, последовать другие комментарии.

К слову, в сленге утратившего былую популярность «Живого журнала» склока, неважно по какому поводу, иронически называлась «холивар» (*holly war*), в более позднем фейсбуке та же склока именуется грубо и прямолинейно — «срач».

Уже неоднократно отмечалось, что отдаленный прообраз нынешних блогов можно увидеть в записях В.В. Розанова [Голубкова 2016]. Легко себе представить его «Опавшие листья» в виде интернет-блога со шквалом комментариев, главным образом возмущенных.

Свидетельством того, что любые частные письма и публичные высказывания «доэлектронной эры» могут легко превращаться в блоги, является один любопытный проект, опять же представленный в соцсетях.

Лет десять назад в «Живом журнале», единственной на то время такого рода площадке, юзер (пользователь) *valentina_valentina* опубликовала воображаемый «“Живой журнал” Марины Цветаевой» с перекрестными комментариями знаковых фигур Серебряного века на основе реальных зафиксированных письменных реплик, переписки, дневниковых записей, оформленных в виде комментариев к статусам М.Ц. Все фигуранты выступают, как это было

заведено в ЖЖ, под псевдонимами-никами, но вполне узнаваемы. Эта блестящая пародия, равно как и последовавший «“Живой журнал” замечательных людей», не только прекрасно передают стиль блоговых записей и пикировок фигур современной литературы, но и великолепно отражают свое время — в частности, дневник М.Ц. обрывается в 1938 году, когда переписываться ей стало почти не с кем.

Жаль, что этот проект не так широко известен и не стал хотя бы электронной, доступной в сетевых библиотеках книгой, однако он полностью представлен на авторском сайте², где можно узнать и настоящее имя автора — Валентина Ботева.

Впрочем, иные проекты, зачинавшиеся на фейсбуке, впоследствии стали бумажными книгами — как «Фейсбучный роман» главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чуприна (мемуары, в том числе связанные с его литературной деятельностью), выкладывавшийся им последовательно на протяжении 2014 года, опубликованный в двух номерах журнала «Знамя» за 2014 год под названием «Вот жизнь моя. Фейсбучный роман, или Подблюдные истории» и выпущенный позже в издательстве «Рипол» под названием «Вот жизнь моя. Фейсбучный роман» [Чупринин 2016]. Как это свойственно фейсбучным статусам, мемуары представляют собой короткие зарисовки, примечательные «случаи из жизни» автора, связанные с известными людьми из еще советских литературных кругов (то есть то, что раньше называли анекдотами). Вот как предваряет публикацию в «Знамени» сам автор: «Эта книга родилась будто сама по себе. Нечаянно, комментируя в фейсбуке чей-то пост, рассказал одну историю из тех, что я называю “подблюдными”, поскольку все они уже были опробованы в дружеском застолье, потом вторую, третью. А дальше... Дальше они сами стали выниматься из памяти, выстраиваясь в сюжет, каким я и осознаю свою жизнь — единственную, другой не будет. Выбранные места из этой нечаянной книги сейчас и предлагаются вашему снисходительному вниманию...» [Чупринин 2014: 7].

Здесь упоминается одно важное свойство такого рода маргинального жанра — его спонтанность, кажущаяся необязательность замысла. И хотя такие мемуары вполне могли выйти в досетевое время, у них есть одно в высшей степени важное отличие — читатели фейсбучной странички Чуприна активно вступают в коммуникацию с автором и друг с другом, уточняя, споря, разъясняя, что в итоге отражается на окончательном — печатном варианте книги: в частности, в статусе³, где автор перед «бумажной» публикацией просит подписчиков помочь ему уточнить ряд фактов. На настоящий момент (04.04.2021) насчитывается 26 комментариев, некоторые из которых развернуты в самостоятельные сюжеты.

Еще одна особенность «Фейсбучного романа» Сергея Чуприна, маркирующая его «пограничность», — это пренебрежение последовательной хронологией, традиционно обязательной для мемуаров.

Совсем иначе устроен проект поэта Виталия Пуханова, на протяжении нескольких лет выкладывавшего в фейсбук краткие полуабстрактные притчи с одним и тем же зачином («Один мальчик...», «Одна девочка...»). Истории эти обычно собирают не слишком большое число комментариев, однако раз-

2 <https://1892marina.wixsite.com/ljmz>.

3 <https://www.facebook.com/people/Сергей-Чупринин> (от 19.09.2014).

растающих и достигающих высокого эмоционального накала, когда корреспонденты вычитывают из сюжета завуалированную эпиграмму, намекающую на конкретного персонажа в конкретной ситуации.

В 2020 году проект вышел отдельной книгой [Пуханов 2020] под названием «Один мальчик. Хроники», однако, если можно так выразиться, продолжает продолжаться, демонстрируя все тыняновские признаки, в том числе то, что Тынянов называл «нарочитой грубостью», а мы назовем брутальностью... Вот, скажем, одна из недавних записей:

Один мальчик не любил читать современные книги. Все они казалась мальчику бессодержательными, написанными неудачниками ради сомнительной перспективы. Добрый волшебник научил мальчика читать жопой. Мальчик стал прочитывать много книжек и записывал в соцсетях собственные рассуждения, казавшиеся ему важными и увлекательными...⁴

Комментарии — «Чушь какая!»; «Записывал тоже жопой?» — ответ автора на второй комментарий: «Жопа понятие географическое и социальное в большом смысле уже давно. И читать жопой — это область души и ума). Иными словами, коммуникативность рождает очередное афористическое высказывание и т. д.

А если учесть, что до выхода книги фрагменты «Одного мальчика» публиковались в «Новом мире» [Пуханов 2017], а также упомянутую выше «легитимацию» посредством публикации в журнале и книге «Фейсбучного романа», можно сказать, что маргинальный жанр становится вполне литературным, попадая в поле зрения толстых журналов...

Все же, если эпистолярии, как пишет Тынянов, в конце концов отвердели в канонизированном жанре литературной переписки, то говорить о каких-то отвердевших жанрах блогговых записей еще рано. Как уже сказано выше, блоги являют калейдоскоп знакомых жанров — от затейливых палиндромов до просветительских заметок, от отчета о проведенном дне до фельетонов и прокламаций.

И все же в этом разнообразном потоке можно выделить несколько крупных тематических и стилевых блоков.

1. Скрупулезно ведущиеся *поденные записи* (не исключено, что порой расцвеченные фантазией автора), то есть собственно дневник.

Такой жанр еще в «Живом журнале» получил собственное наименование «лытдыбр» (lytdubr), то есть слово «дневник», получающееся при переключении клавиатуры на латиницу.

К примеру, поэт, профессор Тюменского университета Владимир Богомяков ежедневно одну из своих записей (их бывает несколько за день) завершает пассажем «Что было в моем журнале десять лет тому назад». Вот например:

Доброе Утро! Сегодня 27 октября. В этот день в 1918 году основан Иркутский государственный университет. В этот день родился Фрэнсис Фукуяма. Сегодня празднует День Рождения Анастасия Миронова. Мои поздравления! Погода в Тюмени сейчас минус 1. Днём обещали минус 1 и дождеснег. Всем хорошего дня!

4 <https://m.facebook.com/puhanov> (от 11.09.2020). Здесь и далее сохранено оригинальное написание статусов.

ЧТО БЫЛО В МОЁМ ЖУРНАЛЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД. НОВОСТИ КИНЕМАТОГРАФИИ. К моему отцу в село Исетское приезжали кинематографисты аж из самого бля Екатеринбурга. Снимать о нём высокохудожественный фильм. Привезли с собою три мешка кленовых листьев, чтоб он их подметал. Он отказался, говоря, что во дворе у него клёнов нет, — одни яблони и получится художественно неправдиво⁵.

2. *Увиденное-услышанное*. Выразительные сценки и подслушанные разговоры (не исключено, что отчасти вымышленные). По жанру это близко к «записной книжке писателя».

Так, поэтесса Мария Мельникова описывает сценку на книжной ярмарке Non\fiction-2021 (под заголовком «КАРТИНКА С ЯРМАРКИ»):

Милая девушка — продавщице: Скажите, а панические атаки где?

Я /в маске с оскаленной волчьей пастью, копясь в печатной продукции, негромко/: Везде!

ЗЫ новинку про панические атаки я покупать не стала. Я такую книгу сама могу написать...⁶

Такие заметки обычно фиксируют комические житейские сценки, часто связанные с работой корреспондента, если эта работа предполагает общение с незнакомыми людьми. Например, поэтесса и писательница Ганна Шевченко⁷ живо и весело описывает порою весьма странных посетителей Библиотеки им. Чехова (Москва).

Иногда бывает довольно сложно определить долю вымысла в таких «заметках», где ситуация намеренно заострена и доведена до абсурда — что может вызывать излишне вовлеченную эмоциональную реакцию комментаторов, в связи с чем автор порою бывает вынужден очертить границы предполагаемого правдоподобия. Так, петербургская писательница, автор нескольких романов и повестей, биолог Анаит Григорян, на протяжении нескольких лет публиковавшая бытовые забавные сценки, которые многие принимали за реальные дневниковые записи, в одном из статусов, подзамочном, то есть предназначенном только для «друзей», в силу чего мы не можем тут его цитировать полностью, призналась, что это, несомненно, литературные опыты, и так к ним и надо относиться:

Я не хочу ставить к постам пометок «лт» (литературка) и «жз» (жизнь), но если приняли что-то слишком близко к сердцу, вы спрашивайте, я скажу⁸.

(Похожая история была и с циклом Линор Горалик «Говорит» [Горалик 2006], в начале 2000-х фрагментами выкладывавшимся в ее ЖЖ⁹, который некоторые простодушные читатели — и даже критики — приняли за свод в самом деле ненароком подслушанных фрагментов чужих историй, обрывков бесед и т. д.).

5 <https://www.facebook.com/vladimir.bogomyakov> (от 27.10.2020).

6 <https://www.facebook.com/profile.php?id=100006945213515> (от 29.03.2021).

7 <https://m.facebook.com/profile.php?id=100000612537965>.

8 <https://www.facebook.com/anait.grigorian.9> («подзамочный» пост от 03.03.2020).

9 <https://snorapp.livejournal.com>. В настоящее время не активен.

3. *Отклики* — разного рода размышления, отзывы об увиденных фильмах, прочитанных книгах, событиях политической, экономической и культурной жизни. От лапидарного лозунга до аналитического очерка и фельетона с сопутствующими комментариями.

Это очень обширный массив, представляющий собой для читателя не столько дневники, сколько журнал или более или менее регулярную газету, поэтому мы не будем останавливаться на этом разделе подробно, скажем только, что тематически он может охватывать все что угодно — от городских проблем до рецензий на новые книги или фильмы и как бы предъявляет нам постоянную и формирующуюся новостную ленту. Здесь есть свои, если так можно выразиться, корифеи. К примеру, из известных нам блогеров у литературного критика Галины Юзефович порядка 50 тысяч подписчиков, у филолога, культурного и политического обозревателя Николая Подосокорского — 70 тысяч, то есть эти блогеры оказываются более влиятельными, чем многие печатные издания.

4. Особый жанр представляют так называемые *каминг-ауты*.

Первоначально, еще в доинтернетное время, этим термином обозначалось публичное признание в нетрадиционной сексуальной ориентации. Сегодня сетевой каминг-аут — это любое откровенное признание личного толка, но при этом изначально (супер)публичное и ориентированное на быструю обратную связь; именно такая обратная связь в режиме реального времени и составляет его существенную новизну. Зачастую современный каминг-аут носит шуточный характер.

Каминг-аут. Я ненавижу фантастику! Уточнение 1. Я ненавижу научную фантастику. Уточнение 2. «Научной фантастики» не существует. Это оксюморон, придуманный теми, кто стеснялся писать сказки. Автор термина — Яков Перельман, любитель фокусов. Вот и придумал слово-фокус, слово-небылицу (на 02.04.2021 — 225 комментариев)¹⁰.

каминг-аут. на 59-м году жизни словил кайф от того что перемыл гору посуды. надеюсь это пройдет» (на 02.04.2021 — 86 комментариев, 550 «лайков»)¹¹.

Надо сказать, что реакция на каминг-аут в большой степени зависит от популярности блогера — шуточный пост про посуду принадлежит известному украинскому художнику, директору Одесского художественного музея Александру Ройтбурду.

А вот посерьезней:

увидел опрос «Замечали ли Вы за собой расовую или этническую предубежденность». Подумал — и нажал «да». Вот такой каминг аут: я, наверное, все-таки не расист, не гомо-, фемино- или ксенофоб — это всё ярлыки (и вообще Толстой учил нас оценивать поступки, а не человека). Но предубежденность за собою по всем перечисленным пунктам замечал — и не раз... (на 02.04.2021 — 224 комментария)¹².

5. Сеть породила и совершенно *новый тип общения*, который распространяется не только на уже известные коммуникативные жанры, но и выдвигает новые,

10 <https://facebook.com/tetjana.levchenko> (от 07.03.2020).

11 <https://m.facebook.com/oleksandrroytburd> (от 26.01.2020).

12 <https://facebook.com/pavlovez> (от 08.06.2020).

задаваемые невиданной ранее техникой мгновенных коммуникаций. Такой специфически сетевой жанр общения представляют собой так называемые *флешмобы*, когда пользователь или группа пользователей приглашают всех, кто видит сообщение, к высказыванию на определенную тему. Темы могут быть и вполне нейтральными (например, «Какая книга оказала на вас наибольшее влияние?» или «Назовите пять лучших советских фильмов»), и достаточно острыми, включая приглашения к каминг-аутам. Некоторые флешмобы охватывают тысячи и даже миллионы пользователей, становясь настоящими общественными движениями, как это было с хештегами (значок #, после которого следует название темы) #Me_Too и #ЯнеБоюсьСказать — о перенесенных сексуальных домогательствах и насилии. Исследование такого рода явлений весьма актуально, но выходит далеко за рамки нашей темы. Заметим только, что множество сообщений в этих флешмобах представляют собой дневниковые или мемуарные записи. Результатом таких флешмобов вполне могут быть тематические, как бы организованные в единый совокупный текст подборки высказываний на сетевых ресурсах или в офлайн-изданиях.

Один из интереснейших экспериментов — проект Линор Горалик на PostPost.media¹³. В своем блоге она время от времени предлагает определенную тему, сопровождаемую для «затравки» несколькими высказываниями (как правило, частного, мемуарного характера). Поступающие в качестве комментариев мемуарные фрагменты потом организуются в целостный материал, представляющий уже не столько личное высказывание, сколько совокупную биографию поколения (вернее, его определенного среза — собственно тех, кто читает фейсбук Линор Горалик). Так, например, под тематическим статусом «А вы как ходили в детский сад?»¹⁴ на 02.04.2021 — 551 комментарий и 25 «шеров». Этот проект также частично получил «бумажное» воплощение [Горалик, Вуль 2019]. О том, как сетевой жанр прорывает границу, переходя в разряд собственно литературы, пишет и Галина Зеленина в своей статье «Омут памяти»:

Если истории про платья не демонстрируют особой гендерной прогрессивности, то сам проект PostPost.Media, напротив, прогрессивен чрезвычайно. Будучи затеей прежде всего развлекательной, генерирующей контент для легкого, веселого и уютного чтения («душевность и теплота»), а не научно-исследовательским проектом, PostPost.Media тем не менее близок различным начинаниям в таких более и менее новых исторических областях, как частная история, история повседневности, oral history и memory studies. Следуя в фарватере нынешней obsessions памятью, PostPost.Media извлекает на свет божий и сохраняет для потомства все то, что могли бы зафиксировать в своих дневниках, но не зафиксировали те, кто дневников не вел. Авторы проекта (не путать с авторами контента, которых я буду называть контрибьюторами) придерживаются предельно демократичного взгляда на то, что есть *dignum memoriae*: это не политика или высокая культура, а события из жизни «обычных», «маленьких» людей, их чувства, переживания, фантазии, страхи, сны и поверья и окружающий их материальный мир позднесоветской и постсоветской эпохи: школьная форма, игра «Ну, погоди», елочные игрушки, манная каша и проч. «Мы верим, — пишут авторы проекта, — что из малых событий, происходящих с частными лицами, сплетается ткань большой культуры и большой истории. Именно поэтому слоган проекта PostPost — «Все, что ты помнишь, важно» [Зеленина 2020].

13 <https://postpost.media/>.

14 <https://m.facebook.com/snorapp> (от 26.03.2021).

6. И наконец, собственно *стихи и проза*. Стихи, преимущественно верлибры, самые разные — от лирики до откликов на горячие темы, их количество таково, что требует отдельного анализа. Заметим только, что в фейсбуке выступают не только молодые авторы, но и «мэтры». Проза же представлена прежде всего малыми формами, хотя бывают и повествования «с продолжением» и фрагменты романов.

Вот характерный пример из «Живого журнала» Дмитрия Горчева (1963—2010), одного из зачинателей жанра, культовой фигуры рунета¹⁵.

Риторическое

Ну и где мне, скажите, взять в деревне гондон? Чтоб на бутылку с гороховым вином натянуть для герметичности.

Лавка-то их не возит — кому они тут нужны, эти гондоны.

Сам я сроду этим унылым приспособлением не пользуюсь, так что никакого запаса нету.

Попросить у водителя автолавки на заказ? так он привезёт его через неделю и ещё всем старухам под носом этим гондоном будет трясти и предлагать вступить в связь. Он вообще большой шутник.

Не ехать же в город специально за гондоном?

Под этим постом на тот момент (и на 02.04.2021) — 126 разветвленных комментариев, от совета использовать резиновую перчатку до вот такого мемуара:

Еще в советские времена, когда всех гоняли на демонстрации 1 мая и 7 ноября, студенты-медики особым шиком считали идти на демонстрацию не с шариками, а с хирургическими перчатками, надутыми то ли гелием, то ли водородом. Перчатка раздувается до диаметра не меньше полуметра (а то и метр) и у нее забавно торчат растопыренные пальцы (lj user boza_revenge).

Заметим, что еще при жизни Горчев выпустил десяток книг, во многом основанных на его сетевых записях, а в 2016 году была учреждена литературная премия имени Дмитрия Горчева — за реалистическую минипрозу на русском языке (впрочем, сейчас судьба этой премии не очень внятна, по крайней мере свежих упоминаний в медиа мы не нашли).

*

Но впрямь ли эта блогговая ризома становится новым отдельным жанром с размытым авторством, и тем более насколько она сдвигается в центр современной литературы?

То, что для многих тысяч интернет-пользователей хаотичная лента блогговых записей уже сдвинулась в центр ежедневного чтения, у нас не вызывает сомнений.

Говоря о литературе постмодерна, обычно имеют в виду некие моменты постмодернистского *письма*; восприятие ленты сообщений в том же фейсбуке рискуем назвать постмодернистским *чтением*. Читатель увлеченно погружается в ежедневный более или менее рандомный контент с возможностью своего в этот контент активного вторжения. Сейчас много говорят о «клипо-

15 <https://dimkin.livejournal.com> (от 24.11.2009).

вом» восприятию, мышлению, но читательское восприятие Сети при всей ее лоскутности не клиповое, здесь есть возможность сосредоточиться на отдельном высказывании, а главное — возможность комментария и полемики.

Существенно, что считываемые с ленты сообщения, в том числе и стихи, и проза, воспринимаются как обращенные лично к читателю, по крайней мере в значительно большей степени, чем «обезличенная», безадресная бумажная книга или журнал.

То есть в силу особенностей нашей психологии эти сообщения как бы требуют немедленной реакции («Как будто в руку вложена записка / И на нее немедленно ответить», О. Мандельштам).

Но можно ли в традиционной прозе (о поэзии, обильно представленной в блогах, разговор особый), заметить признаки одряхления канонических жанров?

Можно, хотя бы потому, что нынешняя литературная критика заметно пренебрегает бытовой реалистической прозой, и ее интересы явно сдвигаются в две противоположные стороны — авантюрно-фантастических сюжетов и non-fiction. И потому, что можно наблюдать, как сюжеты, ранее служившие материалом для рассказов, а то и более крупных форм, сегодня все чаще становятся достоянием обильно представленных в тех же блогах микроновелл, что видно на примере известного прозаика Дениса Драгунского. Первая толсто-журнальная публикация его миниатюр состоялась в «Знамени» [Драгунский 2008], а в 2013 году вышла книга «Взрослые люди» [Драгунский 2013]. Тем не менее проект продолжается и в новых книгах, и на его странице в фейсбуке¹⁶.

Вот сравнительно недавняя миниатюра. Содержание ее вкратце таково: у безымянных мужчины и женщины был некогда бурный роман, но они по какой-то причине расстались, встретились через пять лет, и прежняя страсть вспыхнула вновь. Вот первое после разлуки интимное свидание у нее дома. Она удаляется в ванную, он ждет в комнате. В ванной она замечает у себя на щиколотках красные следы от носочков с тугими резинками и стесняется выйти к мужчине с этими следами. Он ждет-ждет, окликает ее, она не отзывается, он пугается — а вдруг она там умерла, и его, чего доброго еще, как говорится, привлекут, и потихоньку уходит. Услышав щелчок закрывшейся двери, она с облегчением выходит из ванной и замечает, что следы на щиколотках уже почти незаметны. Все.

Самое любопытное — комментарии, которых в тот же день набралось более ста. Комментаторы, люди, заметим, «продвинутые», компьютеризованные, «сидящие» в фейсбуке, воспринимают эту историю как реальную и живо обсуждают человеческие качества персонажей и то, как кому из персонажей, по их мнению, следовало поступить, заодно припоминая (или придумывая) сходные случаи:

- глупая курица
- так и его проверила — нормальный человек дверь сломает помощь окажет
- трус и дура
- А от трусов не виден был след? Вообще бы утопилась от стыда.)))
- а вы верите всем рассказанным бабским историям? не верьте, мы врушки и фантазерки.
- Мне тоже как-то рассказали историю, из первых рук. Одна женщина познакомилась с мужчиной...

16 <https://www.facebook.com/denis.dragunsky> (от 30.08.2020).

Не будем пересказывать историю, пересказанную комментатором, но вот что важно — читатели воспринимают такие микроновеллы как «случаи из жизни», приводят примеры и контрпримеры (быть может, выдуманные), выказывают осуждение или сочувствие в адрес персонажей (мы уже упоминали выше еще один такой пример, когда автор был вынужден совершить соответствующий *каминг-аут*). Все это вместе взятое уже перестает быть привычной литературой и именно поэтому становится, вспомним Тынянова, «литературным фактом огромного значения». К сожалению, в журнальных и книжных публикациях этот «хвост» комментариев пропадает, то есть этот «литературный факт» не легитимируется в полной мере.

То же самое происходит и с публикуемыми в соцсетях «историями с продолжением» на десяток и более статусов, замещающими традиционный роман; более или менее пространными эссе; памфлетами; многочисленными верлибрами и верлиброподобными построениями. Не говоря уже об упомянутых каминг-аутах. Если попытаться одним словом определить возникший у нас на глазах новый жанр, то наиболее подходящим будет, пожалуй, слово «опыты», причем опыты первого и второго порядка, то есть опыты публикации неких сообщений вместе с опытами рефлексии на эти сообщения. Опыт публикации неких как бы черновых материалов совместно с опытами всевозможных к этим материалам дополнений, уточнений и вопросов.

Итак, всю открывающуюся условному «мне» ежедневную ленту записей «френдов» можно представить как новый литературный жанр, причем представить двояко. С одной стороны, это аналог литературно-публицистического и бытописательского ежедневного журнала со случайным, но в значительной мере формируемым самим читателем содержанием и мгновенной обратной связью. С другой — совокупность отдельных эпистоляриев/дневников, причем изначально публичных эпистол и публичных же дневников, снова подчеркнем, сопровождающихся мгновенной обратной связью.

Внелитературность этого «пестрого сора» зачастую маркируется, как было уже сказано, сниженной, а то и попросту нецензурной лексикой, адресованными «своим» мемами и аббревиатурами, нарочитыми аграмматизмами (уже подзабытый «язык падонкафф»). К тому же многие записи сопровождаются визуальными материалами — от репродукций картин до фотографий и видеороликов, наспех отснятых подручным гаджетом.

Еще одна аналогия между записями в социальных сетях и эпистоляриями видится в их эфемерности. То есть судьба неопубликованных писем даже известных литераторов зависит от множества случайностей, и даже архивное хранение не полностью гарантирует их сохранность. Только журнальный или книжный тираж эту сохранность способен обеспечить. Блоги, на первый взгляд открытые любому стороннему читателю, также на деле весьма эфемерны — достаточно автору перевести свои записи в режим «Только для чтения» или вообще удалить свой аккаунт, как они становятся недоступными. Уже список представленных нами в конце этой статьи журнальных публикаций и книг подтверждает тот факт, что блоги, как некогда эпистолярии, в какой-то мере канонизируются в качестве литературного жанра.

Мы уже упоминали, что прообраз современных блогговых записей можно усмотреть в книгах В.В. Розанова («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913—1915; «Апокалипсис нашего времени», 1917—1918). Любопытно, что в это же время появилось сочинение, своеобразно итожащее давным-давно кано-

низированный жанр литературной переписки — «Переписка из двух углов» В.В. Иванова и М.О. Гершензона [Иванов, Гершензон 1921].

Это с одной стороны. А с другой — в переписке двух литераторов из двух углов одной комнаты санатория можно усмотреть прообраз современного сетевого общения, устраняющего любую пространственную разнесенность и оставляющего как последнее препятствие для сиюминутного отклика разве что расхождение часовых поясов.

То есть жанр литературной переписки, о расцвете которого в 20-е годы XIX века столетием позже как о литературном факте писал Тынянов, получил некое завершение в 1920 году, чтобы еще столетием позже, на наших глазах, в сдвинутом, по выражению Тынянова, виде получить новую жизнь.

Библиография / References

- [Голубкова 2016] — Голубкова А. Василий Розанов как первый русский блогер // Волга. 2016. № 9—10.
(Golubkova A. Vasilii Rozanov kak pervyy russkiy bloger // Volga. 2016. № 9—10.)
- [Горалик 2006] — Горалик Л. Говорит // Новый мир. 2006. № 6.
(Goralik L. Govorit // Novyy mir. 2006. № 6.)
- [Горалик, Вуль 2019] — 203 истории про платья / Сост. Л. Горалик, М. Вуль. М.: АСТ, 2019.
(203 istorii pro plat'ya / Comp. by L. Goralik, M. Vul'. Moscow, 2019.)
- [Драгунский 2008] — Драгунский Д. Произвольный пистолет. Двадцать рассказов // Знамя. 2008. № 12.
(Dragunskij D. Proizvol'nyy pistollet. Dvadcat' rasskazov // Znamya. 2008. № 12.)
- [Драгунский 2013] — Драгунский Д. Взрослые люди. М.: АСТ, 2013.
(Dragunskij D. Vzroslye lyudi. Moscow, 2013.)
- [Зеленина 2020] — Зеленина Г. Омут памяти // Новый мир. 2020. № 5 (http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7472/Default.aspx).
(Zelenina G. Omut pamyati // Novyy mir. 2020. № 5 (http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2020_5/Content/Publication6_7472/Default.aspx.)
- [Иванов, Гершензон 1921] — Иванов В., Гершензон О. Переписка из двух углов. СПб.: Алконост, 1921.
(Ivanov V., Gershenzon O. Perepiska iz dvukh uglov. St. Petersburg, 1921.)
- [Пуханов 2017] — Пуханов В. Один мальчик // Новый мир. 2017. № 5.
(Puhanov V. Odin mal'chik // Novyy mir. 2017. № 5.)
- [Пуханов 2020] — Пуханов В. Один мальчик. Хроники. СПб.: Пальмира, 2020.
(Puhanov V. Odin mal'chik. Khroniki. St. Petersburg, 2020.)
- [Тынянов 1977] — Тынянов Ю. Литературный факт // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Сост. и коммент. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977. С. 255—269.
(Tynyanov Yu. Literaturnyy fakt // Tynyanov Yu. Poetika. Istoriya literatury. Kino / Comp. and comment. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, 1977. P. 255—269.)
- [Чупринин 2014] — Чупринин С. Вот жизнь моя: Фейсбучный роман, или Подблюдные истории // Знамя. 2014. № 11. С. 7—26.
(Chuprinin S. Vot zhizn' moy: Feysbuchnyy roman, ili Podblyudnye istorii // Znamya. 2014. № 11. P. 7—26.)
- [Чупринин 2016] — Чупринин С. Вот жизнь моя: Фейсбучный роман, или Подблюдные истории. М.: Рипол-Классик, 2016.
(Chuprinin S. Vot zhizn' moy: Feysbuchnyy roman, ili Podblyudnye istorii. Moscow, 2016.)